

Евгений Густавович Вейденбаум

О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 году

Евгений Вейденбаум

**О пребывании Пушкина
на Кавказе в 1829 году**

«Public Domain»

1899

Вейденбаум Е. Г.

О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 году /
Е. Г. Вейденбаум — «Public Domain», 1899

«Пребывание Пушкина на Кавказе в 1829 г. принадлежит к наименее известным в подробностях периодам в жизни поэта. От этого времени не имеется или не сохранилось ни одного письма его: очень возможно, что по некоторым соображениям он воздерживался от корреспонденции, пока находился в армии графа Паскевича[». Таким образом, одно «Путешествие в Арзрум» служило долгое время единственным печатным источником сведений о Пушкине на Кавказе в 1829 г. Только в 1880 г. сведения эти были несколько дополнены воспоминаниями Н. Б. Потокского \(«Русская старина», 1880, июль, 576–584\) и М. В. Юзефовича \(«Русский архив», 1880, III. 431–446\). К сожалению, оба они взялись за перо на закате своих дней, спустя полвека после событий, когда многое забылось, многое перепуталось в старческой памяти...»](#n_2)

© Вейденбаум Е. Г., 1899

© Public Domain, 1899

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Евгений Вейденбаум

О пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 году

1

Пребывание Пушкина на Кавказе в 1829 г. принадлежит к наименее известным в подробностях периодам в жизни поэта. От этого времени не имеется или не сохранилось ни одного письма его: очень возможно, что по некоторым соображениям он воздерживался от корреспонденции, пока находился в армии графа Паскевича². Таким образом, одно «Путешествие в Арзрум» служило долгое время единственным печатным источником сведений о Пушкине на Кавказе в 1829 г. Только в 1880 г. сведения эти были несколько дополнены воспоминаниями Н. Б. Потокского («Русская старина», 1880, июль, 576–584) и М. В. Юзефовича («Русский архив», 1880, III. 431–446). К сожалению, оба они взяли за перо на закате своих дней, спустя полвека после событий, когда многое забылось, многое перепуталось в старческой памяти. К тому же Н. Б. Потокский был только случайным дорожным знакомцем Пушкина, а М. В. Юзефович встретился с ним уже в действующем отряде. Оба они немного прибавили к тому, что сам Пушкин признал возможным сказать в своем «Путешествии в Арзрум». Очень богатый вклад в собрание сведений о пребывании поэта на Кавказе сделал вице-президент нашей Академии наук Л. Н. Майков, напечатавший в «Русском вестнике» 1893 г. записку М. И. Пуцина «Встреча с Пушкиным на Кавказе». Драгоценная записка эта значительно дополняет сведения того же Пуцина, обнародованные впервые бароном А. Е. Розеном в его исследовании «Декабристы на Кавказе» («Русская старина», 1884, февраль, 303–308).

Таковы до сих пор главнейшие и почти единственные источники сведений о кавказском путешествии Пушкина. Первое место между ними принадлежит, конечно, «Путешествию в Арзрум». Как известно, Пушкин не предполагал сначала сообщать в печати о своих кавказских впечатлениях, и только книга французского путешественника Виктора Фонтанье побудила его обнародовать свой путевой дневник. В нем он многого не договаривает, о многом виденном и слышанном совсем умалчивает и ограничивается беглым и далеко не полным обзором тех событий, которых был очевидцем. Все «Путешествие» есть в сущности оправдательный документ против обвинения поэта в том, что он, находясь в действующем отряде, написал будто бы сатиру на графа Паскевича. «Я устыдился бы, – говорит Пушкин в предисловии к „Путешествию“, – писать сатиры на прославленного полководца, ласково принявшего меня под сень своего шатра и находившего время посреди своих великих забот оказывать мне лестное внимание. Человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных, дорожит их радушием и гостеприимством, ибо иного от них не может и требовать. Обвинение в неблагодарности не должно быть оставлено без возражения, как ничтожная критика или литературная брань. Вот почему решился я напечатать это предисловие и выдать свои путевые записки, как все, что мною было написано о походе 1829 года». «Путешествие» появилось впервые в печати в первой книге «Современника» за 1836 г. по рукописи, переписанной и исправленной в 1835 г. С тех пор, более полувека, сочинение это печаталось всегда в одинаковом виде, то есть с пропуском беседы с Ермоловым, рассуждения о распространении христианства среди горцев и т. д. Имена почти всех лиц, с которыми Пушкин встречался на Кавказе, обозначались в печати только начальными буквами. Замечательно, что по цензурным соображениям,

¹ Кавказская поминка о Пушкине. Издание редакции газеты "Кавказ". Тифлис 1899.

² Л. Павлищев в своей "Семейной хронике" говорит, что Пушкин писал с Кавказа Дельвигу и родителям своим через князя Дадияна ("Исторический вестник", 1888 г., март, 560; апрель, 35). Письма эти до сих пор неизвестны.

ныне совершенно необъяснимым, сводный уланский полк именовался в печатном тексте просто уланским полком, а название *сводный* заменялось тремя звездочками.

В полном виде, совершенно согласном с авторским текстом, «Путешествие» появилось только в 1887 г. в сочинениях Пушкина, изданных Обществом для пособия нуждающимся литераторам и ученым. При этом оказалось, что в рукописи только немногие лица названы полными именами, большинство же самим Пушкиным означено одними инициалами. Редактор издания, о котором идет речь, профессор П. О. Морозов, не мог или не признал нужным раскрыть эти анонимы. Таким образом, высказанная П. В. Анненковым еще в 1855 г. надежда на то, что будущие издатели Пушкина объяснят все анонимы «Путешествия», не осуществилась и через 50 лет после кончины поэта. Предпринятое нашей Академией наук критическое издание сочинений Пушкина вновь поставило на очередь этот вопрос, очень важный для определения круга знакомств и отношений поэта на Кавказе. Теперь большая часть этих инициалов раскрыта, и только немногие из них остаются под сомнением³.

По словам профессора П. О. Морозова, «Путешествие» написано Пушкиным вчерне еще в 1829 г. Первоначальный текст этот, к сожалению, никогда не появлялся в печати, и потому мы можем высказать только предположение, что он в общем должен значительно разниться от текста, обработанного в 1835 г. Дело в том, что «Путешествие» распадается на две неравные части. Одна из них, составившая в окончательной обработке первую главу, написана, очевидно, во время самого путешествия, под живым впечатлением виденного и слышанного в пути. Пушкин записал язвительные отзывы Ермолова о Паскевиче, излагает свой, очень замечательный, взгляд на обращение горцев в христианство, сообщает сведения о положении аманатов в Владикавказе и т. д. В «Путешествии» указано даже, что первая запись в дорожном дневнике сделана им в Георгиевске 15 мая, вторая – во Владикавказе 22 мая. С этого дня хронологические даты прекращаются. Со слов Пушкина мы знаем только, что он прожил в Тифлисе около двух недель, но что делал он в Тифлисе и с кем проводил время – остается неизвестным. Пушкин называет только одного Санковского и дает внешнее описание города.

Путь от Тифлиса до лагеря действующего корпуса на берегу Каре-чая, куда Пушкин прибыл 13 июня, описан очень кратко и, очевидно, на память или по самым беглым отметкам в дневнике. Наконец, движение с войсками от Соганлуга до Эрзерума изложено очень сухо и сдержанно, с опущением всяких подробностей, даже без названия тех мест (Каинлы, Миллидюз), где происходили сражения. Пушкин подчеркивает, что он не вмешивается в военные суждения и описывает только то, что сам успел увидеть. Между тем, живя в палатке Раевского, беседуя с Вольховским, Пуциным и другими лицами штаба, близко знавшими положение дел, Пушкин не мог, конечно, не видеть закулисной стороны войны, не всегда согласной с пышными реляциями. Он умолчал, например, о следствии, назначенном над начальником штаба бароном Д. Е. Остен-Сакеном за нерешительные будто бы действия кавалерии при преследовании 20 июня разбитого Гагки-паши. Следствие это окончилось выговорами Сакену и Раевскому и привело затем к удалению их обоих из кавказской армии. Пуцин рассказывает в своих записках, что вся эта неприятная история была последствием неосторожности Сакена: еще в Тифлисе он обратил внимание Паскевича на статью в «Journal des Débats», в которой говори-

³ Л. Н. Майков. О поездке Пушкина на Кавказ в 1829 году. («Русский вестник», 1893 г., IX). Перепечатывая эту статью в своем сборнике «Историко-литературные очерки» (С.-Петербург, 1895 г.), автор отчасти изменил, отчасти дополнил сведения о лицах, скрытых под инициалами. Так, спутником Пушкина по Военно-Грузинской дороге называет он уже не Шереметева, а Э. К. Шернвалья. Г-на А., посланного Паскевичем навестить жен эрзерумского паши, Л. Н. Майков, по указанию П. И. Бартенева, считает полковником Р. Р. Анрепом, который командовал сводным уланским полком. Догадка эта кажется нам неудачной, так как Пушкин посетил гарем 12 или 13 июля, когда сводный уланский полк уже не находился в Эрзеруме. Сверх того, сам S Пушкин различает *полковника* А. (Анрепа) от *г-на* А. По нашему мнению, этот последний был Абрамович, ординарец и клеврет Паскевича. По показанию П. И. Бартенева, К., сообщивший Пушкину о чуме в Эрзеруме, был граф Петр Петрович Коновницын, разжалованный в рядовые за участие в деле 14 декабря. Догадка эта основывается единственно на начальной букве К.

лось, что Паскевич самых обыкновенных способностей и что успех его кампаний должно приписать способностям его начальника штаба и многих других лиц, сосланных на Кавказ за 14 декабря.

Обратный путь из Эрзерума описан Пушкиным всего в нескольких строках, и все «Путешествие» оканчивается прибытием в Владикавказ. О своем довольно продолжительном пребывании на Кавказских Минеральных Водах поэт не упоминает ни одним словом.

Обратимся теперь к другим, названным выше источникам сведений о пребывании Пушкина на Кавказе в 1829 г.

Н. Б. Потокский, по его собственным словам, в 1829 г., не имея еще и 20 лет от роду, освободился от опеки своих родителей и с большими надеждами отправился на Кавказ с рекомендательными письмами к Н. Н. Раевскому, П. С. Санковскому и В. Д. Вольховскому. В Екатеринограде юноша встретился с Пушкиным и вместе с ним отправился в Владикавказ. В Тифлисе жили они в одной гостинице, а по возвращении Пушкина из Эрзерума встречались в доме Санковского.

Таким образом, Потокский мог бы значительно пополнить запас известий о кавказском путешествии Пушкина. Но, к сожалению, он писал свои воспоминания через 50 лет после встречи с поэтом. Никакая память не может выдержать такого долгого срока. Потокский допустил хронологические ошибки, обобщил отдельные случаи, сделал себя центральной фигурой событий. Поэтому воспоминания его не могут, по нашему мнению, считаться надежным источником сведений о Пушкине. Прежде всего, они противоречат во многом рассказу самого поэта. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров. Потокский утверждает, что, едуци вместе с Пушкиным в Тифлис, встретил около Пасанаура барона Фелькерзама, спешившего в Петербург с донесением о победе над турками. Здесь явная хронологическая ошибка: адъютант графа Паскевича барон Иван Егорович Фелькерзам выехал из Эрзерума с донесением о занятии этого города только 28 июня 1829 г., когда Пушкин уже находился в действующем корпусе и присутствовал при сдаче столицы Анатолии. По рассказу Потокского, Пушкин весь путь от Екатеринограда до Тифлиса сделал верхом, причем Потокский неотлучно следовал за ним. Только станции за две до Тифлиса Потокский расхворался и не мог держаться на коне. Тогда Пушкин уложил больного в телегу и был при нем неотлучно до Тифлиса. Рассказ Пушкина не подтверждает этого сообщения. Из Пасанаура нетерпеливый поэт отправился пешком совершенно один, даже без проводника, и прошел до Душета. Здесь нагнали его граф Пушкин и Шернваль и предложили отправиться дальше в их экипаже. Предложение было принято, и путешественники крупной рысью, а иногда и вскачь поехали в Тифлис. Очевидно, что Пушкин и Потокский встретились в пути случайно, что это было одно из тех мимолетных знакомств, которые не оставили в памяти поэта никакого следа, тогда как на восторженного, романтически настроенного юношу встреча с прославленным поэтом произвела впечатление настолько глубокое, что через полвека она одна осталась в его памяти, затмив все остальные подробности. По рассказу Потокского, Пушкин любил писать мелом и углем стихи и рисовать карикатуры на дверях и стенах. Так делал будто бы Пушкин во всех укреплениях и даже во Владикавказе, по возвращении с обеда у генерала Скворцова. Очень возможно, что живой и шаловливый поэт написал где-нибудь стихи на дверях, но Потокский поспешил обобщить единичный случай и возвел его в особенную привычку Пушкина, как будто на каждом казачьем посту, в каждом доме, где только поэт останавливался, были к его услугам мел и уголь для расписывания стен и дверей.

С Михаилом Владимировичем Юзефовичем Пушкин встретился только 13 июня 1829 г., в день прибытия в отряд, стоявший лагерем на берегу Каре-чая, у подошвы Соганлугского хребта. Юзефович был тогда поручиком белгородского уланского полка и состоял адъютантом при начальнике кавалерии Н. Н. Раевском.

В отряде жил он в одной палатке со Львом Пушкиным, тоже адъютантом генерала Раевского. Таким образом, Юзефович имел возможность видеться с Пушкиным ежедневно, но он писал свои воспоминания в июле 1880 г., т. е. через 51 год после события, и, следовательно, многое забыл. Поэтому он передал (как сам заявляет) только то, что ясно и точно сохранилось в его памяти, за правду чего может ручаться по совести. К сожалению, в памяти его удержалось мало новых подробностей о пребывании Пушкина в отряде.

Очень драгоценными являются в этом отношении, как мы уже сказали, записки М. И. Пущина, обнародованные впервые Л. Н. Майковым. Он написал их в пятидесятых годах, следовательно, на 30 лет раньше Потокского и Юзефовича, когда события кампании 1829 г. были еще свежи в его памяти. Пущин сообщил впервые сведения, до того совершенно неизвестные, о пребывании Пушкина на Кавказских Минеральных Водах в августе и сентябре 1829 г., после возвращения из Эрзерума. Пушкин сам нигде ни одним словом не упоминает об этом, и только на двух его стихотворениях 1829 г. имеется помета: *на кавказских водах*.

Официальные сведения о пребывании Пушкина на Кавказе выразились только в переписке об учреждении за ним тайного полицейского надзора.

Намерение посетить Кавказ возникло у Пушкина еще в 1827 году. От 8 мая этого года⁴ он писал из Москвы своему брату Льву Сергеевичу, служившему тогда в нижегородском драгунском полку: «Завтра еду в Петербург... Из Петербурга поеду в чужие края, т. е. в Европу, или восвоюси, т. е. в Псков, но вероятнее – в Грузию, не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского». Намерение это осуществилось, однако, только в 1829 г., причем Пушкин собрался на Кавказ, по-видимому, совершенно неожиданно, без всяких приготовлений. Сам он объяснял цель своей поездки различно. В черновом предисловии к «Путешествию в Арзрум», написанном 3 апреля 1835 г., было сказано: «В 1829 г. отправился я на кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и с некоторыми из моих приятелей». Между тем, выезжая 9 марта 1829 г. из Петербурга, Пушкин отметил в полиции выехавшим не на Кавказские Воды, а именно в Тифлис, по подорожной, данной ему петербургским почт-директором 4 марта 1829 г. до Тифлиса и обратно. Как в письме от 8 мая 1827 г., так и в черновом предисловии к «Путешествию в Арзрум» Пушкин объясняет свою поездку желанием повидаться с братом Львом и Н. Н. Раевским. Но замечательно, что в письме к тому же самому Раевскому от 30 января 1829 г., следовательно, за месяц до выезда из Петербурга на Кавказ, поэт ни слова не говорит о намерении посетить Грузию. Все это дает основание предполагать, что окончательное решение бросить столицу и отправиться в Азию созрело в Пушкине внезапно, под влиянием того тревожного состояния духа, в котором он тогда находился.

⁴ В письме этот год не указан, но все издатели сочинений Пушкина относят его к 1829 г. Содержанием самого письма не трудно доказать, что оно написано в 1827 году. Из «Путешествия в Арзрум» известно, что Пушкин выехал из Москвы на Кавказ 1 мая 1829 г., заехал в Орел повидаться с Ермоловым и 15 мая был в Георгиевске. Следовательно, он не мог писать брату Льву из Москвы 8 мая 1829 г. Затем вопросы: «Кончилась ли у вас война? Видел ли ты Ермолова и каково вам после его?» – были бы совершенно неуместны в 1829 г., так как Пушкин знал об усиленных приготовлениях к начатию второй турецкой кампании и, выехав на Кавказ, опасался не застать Раевского в Тифлисе. Точно так же странно было спрашивать брата о Ермолове, который в 1827 г. покинул Кавказ и удалился в свою орловскую деревню. Напротив, в 1827 г. вопросы, предложенные Пушкиным, были вполне естественны: Лев Пушкин определился в нижегородский драгунский полк в конце 1826 г., но прибыл к полку только в марте или апреле 1827 г., когда Паскевич только что занял место Ермолова (28 марта 1827 г.). Следовательно, Пушкин имел полное основание спрашивать брата, видел ли он Ермолова и каково служит на Кавказе, при новом начальнике.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.